

Многодетная семья в Украине: дискурсы и противоречия социальной политики

Аннотация

Цель статьи — освещение дискурсов многодетности в Украине. В официальном дискурсе, который реализуется в демографических стратегиях и семейной политике, многодетная семья рассматривается как безусловная ценность и “основа развития государства”. Однако теория и практика социальной работы порой противоречат данной идеологии, используя структуру семьи (ее состав и количество детей) как основание для ее категоризации в качестве реально или потенциально “неблагополучной”. Эффективность социальной политики в плане поддержки многодетных семей тормозит и повседневный дискурс многодетности как “социальной безответственности”.

Автор приходит к выводу о том, что противоречия между упомянутыми дискурсами нельзя преодолеть одними лишь средствами пропаганды многодетных семей и мерами по их “социальной защите”. Реальным условием повышения статуса многодетных семей должно стать формирование доверия человека к государству, уверенности в будущем, что является необходимым условием формирования ориентаций на рождение двух и больше детей.

Ключевые слова: многодетная семья, социальная политика, дискурс многодетности

Раз, два, много...¹

В риторике государственной социальной политики многодетная семья признается как неоспоримая ценность, “основа развития страны”, а соци-

¹ Подобная система счета используется, в частности, у некоторых племен австралийских аборигенов.

альная поддержка таких семей — как одна из важнейших задач государства. “Государство создает человеку условия для материнства и отцовства, обеспечивает охрану прав матери и отца, материально и морально поощряет и поддерживает материнство и отцовство”, — записано в статье 5 Семейного кодекса Украины.

В Украине насчитывается 396,2 тыс. многодетных семей. Среди этих семей 298,4 тыс. воспитывают троих детей; 63,9 тыс. — четверых; 33,9 тыс. — пятерых и больше; 1,7 тыс. семей имеют десять и больше детей [Толстоухова, 2010: с. 10]. В условиях демографического кризиса “ценность” многодетных семей для общества возрастает, поскольку они в определенной мере тормозят процесс депопуляции, отмечают украинские демографы, а значит, утверждают они, необходима социальная и экономическая поддержка этих семей как на государственном уровне, так и со стороны территориальных общин, органов местного самоуправления [Шлюб, 2008: с. 20].

Однако существуют определенные расхождения: а) между декларируемыми принципами и механизмами реализации демографической и семейной социальной политики; б) между официальным и повседневным дискурсами многодетности. Таким образом, целью данной статьи является попытка прояснить подобные противоречия.

“Ваши рекорды нужны стране”.

Демографический дискурс и демографическая политика

Т.Журженко отмечает, что формой гендерной идеологии, доминирующей в переходном обществе, является постсоветский традиционализм: “В средствах массовой информации, политических и академических дискуссиях... подчеркивается возрастание социальной значимости традиционных женских ролей..., возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль “традиционно крепкой” украинской семьи в процессах консолидации и возрождения нации, значение женской репродуктивной функции для усиления позиций украинского этноса” [Журженко, 2004]. Одной из составляющих постсоветского традиционализма, по мнению автора, является фактическое сведение семьи к репродуктивной функции, задачам деторождения и социализации детей. В этом контексте малодетную (а тем более однопдетную) семью расценивают как крайне негативное явление, а семью без детей некоторые социологи вообще не рассматривают как таковую.

Традиционалистский дискурс очерчен в ряде статей Семейного кодекса Украины.

Во-первых, статьи 49 и 50 регулируют права жены на материнство и мужа на отцовство. В частности отмечено, что “жене-матери должны быть созданы в семье условия для совмещения материнства с осуществлением ею других прав и обязанностей”. Отсутствие аналогичной статьи о совмещении отцовства с другими правами и обязанностями соответствует традиционно-му дискурсу материнства как *главного* предназначения женщины и, таким образом, обходит значение отцовства для мужа.

Во-вторых, в статье 55 Кодекса указано, что “жена и муж обязаны совместно заботиться о материальном обеспечении семьи”. Трудно понять, что конкретно вкладывается в содержание этой статьи, но позволю себе

предположить, что речь идет о фактической легитимации контракта “работоюющей матери”.

В-третьих, в украинском демографическом дискурсе “ответственность” за снижение рождаемости порой перекалывают на женщин. В “Стратегии демографического развития до 2015 года” говорится: “процесс снижения рождаемости имеет глобальный характер и обусловлен целым рядом причин — экономических, социальных, психологических, биологических. Это прежде всего (курс. мой. — Е.С.) изменения в социальном статусе женщины, расширение сферы ее внесемейных интересов, повышение уровня образования и занятости” [Стратегия, s.a.]. И далее в этом же документе читаем: “Массовое вовлечение женщин в общественное производство, необходимость в удовлетворении их образовательных, профессиональных и общественных интересов обусловили малодетность и бездетность” [Стратегия, s.a.].

Демографическую ситуацию рассматривают сегодня преимущественно в контексте снижения рождаемости: “Неблагоприятная демографическая ситуация в Украине связана с обострением проблем функционирования семьи как ячейки воспроизводства населения, снижением ее демографического потенциала” [Стратегия, s. a.].

На стимулирование “демографического потенциала семьи” направлены пронаталистские меры демографической политики в Украине и введение весомого единовременного пособия при рождении ребенка с 2005 года. В настоящее время эти меры наталкиваются на критику специалистов как направленные собственно на повышение рождаемости, а не на социальную поддержку семей с детьми. Специалисты Института демографии и социальных исследований НАН Украины отмечают: “...вряд ли можно рассчитывать на долгосрочную постоянную результативность данной пронаталистской меры, ведь... обычно одноразовые (или другие краткосрочные) денежные пособия действуют по принципу “доза — эффект” и в отношении нашей страны не могут компенсировать крайне низкий уровень оплаты труда как основного источника воспроизводства и собственно работающего населения, и подрастающих поколений детей. Как правило, такие демополитические меры вызывают конъюнктурную реакцию, а произведенный ими эффект оказывается недолговременным” (см.: [Шлюб, 2008: с. 3–34]).

Отечественные демографы отмечают еще одно латентное последствие пронаталистской демополитики: повышение рождаемости среди маргинальных слоев населения. Достоверно установить подобную связь трудно, однако существуют косвенные показатели такого влияния, в частности ускоренное увеличение в общем массиве новорожденных в последние годы доли внебрачных новорожденных высоких очередностей рождения (четвертой-пятой), что отчасти можно отнести на счет распространенности консенсуальных браков среди женщин зрелого детородного возраста, которые рожают третьих-четвертых детей (особенно если речь идет о повторных браках), но в гораздо большей мере — на счет “несознательной” многодетности действительно незамужних женщин из маргинальных слоев [Шлюб, 2008: с. 35].

Выделяют и другие латентные последствия. Непродолжительный эффект увеличения рождаемости создает лишь видимость улучшения демографической ситуации, поскольку обусловлен сдвигом в календаре рождений, в частности сокращением интервалов между рождением первого и вто-

рого ребенка, но едва ли это повлияет на “конечный” результат репродуктивного поведения (то есть на общее количество рожденных женщиной детей). “Возникающая в результате подобных действий государства демографическая волна затем в течение многих лет дестабилизирует общественные процессы. В какой-то год вдруг оказывается, что не хватает детских садов, поэтому возводят новые. Затем внезапно следует резкий спад притока детей, и воспитатели остаются без работы. С такой же проблемой нерационального использования человеческих ресурсов по очереди сталкиваются школы, вузы, армия” [Быстров, 2008: с. 92].

Должна согласиться, что демографическая политика в ее пронаталистском варианте не подкрепляется созданием условий для полноценной реализации материнских и отцовских ролей, тем более для совмещения их с другими правами и обязанностями. Данные украинской статистики подтверждают это мнение. В частности, в 2006 году повышение рождаемости повлекло нехватку мест в детских садах (численность которых в 1990-е годы активно сокращалась), перегруженность детских поликлинических отделений. По официальным данным Госкомитета статистики Украины, в 2009 году в дошкольных учреждениях Украины было 1121 тыс. мест, а количество детей, которые их посещали, составляло 1214 тыс., то есть детские сады были переполнены [Офіційний сайт Державного Комітету статистики, 2010].

При наличии таких проблем, главная из которых — низкий уровень жизни семей с детьми в постсоветских странах, пропаганда ценностей многодетности является оскорбительной, а то и циничной (один из примеров подобной рекламы можно встретить на станциях Московского метрополитена).

Приведу цитату из Интернет-обсуждения впечатлений от этого образца социальной рекламы: “Слоган этого плаката социальной рекламы возвращает нас в советские годы, когда страна от всех требовала по способностям и раздавала всем по потребностям. Нам кричат: “Стране нужны Ваши рекорды. Каждую минуту в России рождается 3 человека”, и действительно, на плакате мы видим женщину с тремя детьми, которая, видимо, уже выполнила свой долг, родив трёх детей за минуту. Но самое удивительное, мы не видим на этом плакате отца, который ведь тоже должен присутствовать, тем более, что у нас сейчас Год Семьи, но, видимо, отец ушёл совершать другие подвиги, ведь в России ещё столько женщин, которые не отдали свой долг Родине. Извините за мой сарказм, но это лучшее, чего заслуживает эта социальная реклама...”¹.

“Я принес вам посылку, но вам я ее не отдам...”

Дискурс многодетности и противоречия семейной политики

Согласно Закону Украины “Об охране детства”, многодетная семья — это такая, которую образуют родители (или один из родителей) и трое и больше детей. Ребенком этот же Закон считает лиц в возрасте до 18 лет (совершеннолетие).

С 1 января 2010 года в Украине вступил в силу Закон “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по вопросам социальной защиты многодетных семей”, который предусматривает льготы для

¹ См.: <http://social-market.ru/marazm-krepchal-a-strane-byli-nuzhny-vashi-rekordy>.

многодетных семей: 50%-е скидки на оплату жилищно-коммунальных услуг, на абонплату за телефон, на топливо. Детям закон гарантирует бесплатные лекарства по рецепту врача, ежегодный медосмотр и диспансеризацию в государственных и коммунальных клиниках, бесплатное пользование всеми видами городских пассажирских перевозок (кроме такси), железнодорожным и водным транспортом, автобусами пригородных и междугородных маршрутов. Указанные льготы и компенсации предоставляются на основании удостоверения, подтверждающего статус родителей и детей многодетной семьи.

Приведу обоснования введения этого Закона: “Наиболее уязвимыми в современных социально-экономических условиях являются многодетные семьи. Многодетные семьи безотлагательно нуждаются в усилении государственной поддержки, поскольку им живется намного сложнее, чем другим слоям населения. Наиболее острыми проблемами таких семей являются обеспечение жильем, низкое материальное положение, получение детьми образования. Проект Закона... разработан с целью совершенствования государственной системы социальной защиты многодетной семьи и каждого из ее членов, наиболее полного выполнения многодетной семьей своих функций, повышения ее жизненного уровня и усиления ее роли в жизни общества” (из выступления Юрия Павленко во время представления к рассмотрению проекта Закона, декабрь 2008 года).

Попробуем выяснить, действительно ли такие меры достигают своей цели и ощутимо влияют на качество жизни многодетной семьи?

По официальным данным Министерства по делам семьи, молодежи и спорта, в регионы Украины первая партия удостоверений родителей и детей из многодетных семей (на основании которых предоставляются льготы) была отправлена 30 июля 2010 года (то есть через полгода после вступления Закона в силу); по состоянию на 1 сентября 2010 года во все регионы Украины доставлено 601 010 удостоверений, что составляет 67% от общего количества удостоверений, и наконец начался процесс их выдачи [Відбулася селекторна нарада, 2010]. Компенсируют ли семьям льготы за 8-месячный период, неизвестно.

Приведу несколько цитат из Интернет-форума многодетных матерей по проблемам реализации Закона.

Март 2010 года. “Закон, конечно, приняли... В конце 2009 года собрали все документы, удостоверения так никто и не выдал. Как говорят чиновники — ждите принятия бюджета. Коммунальные платежи платим без льгот. Заболел ребенок — в поликлинике ни сном, ни духом — я им о выдаче рецепта на бесплатные медикаменты — на меня смотрели как на умалишенную. Где справедливость? Такое ощущение — просто подражали...”

Сентябрь 2010 года. “У нас удостоверения выдали небольшой части многодетных семей. Бланки приходят в ограниченном количестве, траншами. Льготы по коммунальным платежам не действуют... Через 6 мес. моему старшему сыну исполнится 18 и все, а действие закона мы на себе почувствовать так и не успеем. Но ведь ребенок продолжает учиться, мы по-прежнему его будем содержать, до момента окончания учебы” [Льготы, s. a.]

Конечно же, процедура изготовления и издания таких удостоверений, учитывая количество многодетных семей в Украине, объективно сложна.

Но даже получение такого удостоверения еще не гарантирует пользования льготами на практике.

Например, бесплатный отдых-оздоровление реализуется преимущественно в пришкольных лагерях (но можно ли это назвать “оздоровлением”?), а если на море — то в зимне-весенний период и для одного ребенка из семьи. Льготы на проезд для многодетной семьи вообще парадоксальные. “У меня трое детей, я получила удостоверение. И хотела воспользоваться льготным проездом для детей, на что мне сказали, что мои дети могут ездить только по одному на одном рейсе. Это означает, что я должна отправить одного ребенка одним рейсом, второго — вторым. Вместе они ездить не могут... Конечно, купила билеты за полную цену и поехала. Сделали льготы, но пользоваться ими мы не можем... Это как в мультике почтальон Печкин: — Я принес вам посылку, но вам я ее не отдам...” [Льготы, s.a.].

Чрезвычайно популярными мерами по социальной поддержке семей (в частности многодетных) на местном уровне стало вручение “подарков” в виде продуктовых наборов. Например, ко *Дню защиты детей* такой набор может содержать: пять “чупа-чупсов”, поллитра дешевого напитка, пакет карамелек, банку сгущенного молока и полукилограммовую (!) упаковку вермишели¹. Деньги (или продукция спонсоров) израсходованы, а вот есть ли польза и удовольствие от подобных “подарков” детям — сомнительно. Наряду с этим подобные меры воспроизводят социальные стереотипы о том, что многодетные семьи настолько плохо живут в Украине, что нуждаются в помощи в виде бутылки масла, килограмма макаронных изделий или гречки².

Конечно, можно вспомнить, что “дарованому коню в зубы не заглядывают”, но такие меры, по моему мнению, не способствуют созданию положительного образа многодетной семьи в Украине и зачастую воспринимаются как унижительные. Результаты одного из российских исследований, проведенных Н.Ловцовой и О.Ярской-Смирновой в г. Саратове, свидетельствуют, что в действительности большинство многодетных семей находятся в затруднительном материальном положении, но наиболее приемлемой формой поддержки семьи, *по оценкам матерей*, является заработная плата. Именно она расценивается как наиболее удобная, поскольку помогает избежать чувства второсортности и иждивенчества [Ловцова, Ярская-Смирнова, 2005: с. 97].

Кульминацией процесса “совершенствования государственной системы социальной защиты многодетной семьи” стало письмо Министерства семьи, молодежи и спорта от 16.08.2010 года с разъяснениями того, какую семью можно считать многодетной. Выяснилось, что количество детей не имеет такого существенного значения, как их “происхождение”: если в семье дети от разных отцов, льгот семья не получает, что чиновники объясняют как рационализм³. Дословно отмечено, что “к категории многодетных семей не относятся семьи, образованные путем повторного брака родителей и совместного воспитания трех и более детей от предыдущих браков без их усыновле-

1 Именно такой набор вручали ко Дню защиты детей в 2010 году в Полтаве.

2 Такая оценка была дана многодетной мамой — получательницей этого пособия. Надеюсь, что наши критические замечания не окажутся обидными для тех семей, для которых это является весомым вкладом в благосостояние.

3 По сообщению ТСН от 11.11.2010.

ния, а также приемные семьи и детдома семейного типа”. Чисто юридически это противоречит Законам Украины “Об охране детства” и “О государственной помощи семьям с детьми”, где, напомним, указано, что многодетная семья — это семья, состоящая из родителей (или одного из родителей) и трех и более детей.

Создается впечатление, что такие понятия, как человеческое достоинство и уважение к многодетным семьям — “будущему нашего государства”, не принимаются во внимание в расчетах правительства. Наконец, уже выданные семьям удостоверения, которые затем попали в “черный список”, осенью начали изымать.

Многодетность VS ответственность: многодетность в оценках и настроениях населения Украины

В общественных настроениях и оценках многодетность нередко воспринимается негативно. Позволим себе не согласиться с российской исследовательницей О.Вовк в том, что сегодня в российском медийном и обыденном дискурсе многодетность, как правило, почитается в качестве непреложной, несомненной ценности. В ней усматривают символ семейственности и семейного счастья, о многодетных семьях прошлых столетий говорят как о “золотом веке” российской семьи и семейной культуры [Волк, 2007: с. 33–46]. Такую позицию, на наш взгляд, демонстрирует официальный, но отнюдь не обыденный дискурс. Тем более, что результаты исследования автора подтвердили это¹. Большинство респондентов, отвечая на открытый вопрос о том, что им сразу приходит на ум, когда они слышат словосочетание “многодетная семья”, указали, в частности, следующее: “преимущественно бедные”; “им не хватает денег на детей”, “как их могут одеть и накормить?”; “недостаток финансов”; “обнищание”, “безысходность”; “большие проблемы”; “недостаток всего”, а иногда даже “алкаши”; “неблагополучная”; “незащищенные дети”; “алкоголики и наркоманы” и т.п. Позитивные ассоциации в отношении многодетных семей возникли примерно у пятой части опрошенных: “весело”, “доброжелательная атмосфера в семье”; “дружная семья, счастливые”, “завидую многодетным семьям” и т.д. [Вовк, 2007: с. 33–46].

По самооценкам многодетных семей, характер отношения к ним со стороны государственных структур, большинства людей и родственников подкрепляет тезис о негативной окраске социокультурных представлений о многодетности. Так, согласно данным одного из российских исследований, проведенных в Москве в 2003 году, негативное отношение к своей семье со стороны “большинства людей” отметили 26,4% опрошенных представителей “больших семей” (по терминологии исследователей) [Шевченко И., Шевченко П., 2005: с. 100].

Оценивая отношение населения Украины к многодетности, украинские специалисты приняли за основу демографическое понимание многодетной семьи как семьи, в состав которой входят пятеро и больше детей (в отличие от основ социально-демографической политики). По результатам исследования “Семья и дети”, проведенного коллективом Института демографии и социальных исследований НАН Украины в 2008 году, одобрительно о семье

¹ Всероссийский опрос населения, 2006 год, 1500 респондентов.

ях с пятью и большим количеством детей отозвались 23,8% респондентов. Весьма значительная группа считает многодетность делом выбора родителей, и отношение к ней зависит от того, насколько эти родители сознательны и ответственны (так считают 21,9% опрошенных); 16,2% высказали мнение, что такие родители и семьи заслуживают уважения. Негативное отношение к многодетности высказали 15,2% опрошенных, еще 11,4% безразлично относятся к многодетным. Незначительная доля респондентов высказали жалость (сочувствие) к многодетным семьям (8,1% — к детям и 3% — к их родителям) [Шлюб, 2008: с. 161].

Приоритетными факторами многодетности многие люди считают то, что в детях такие семьи видят главный смысл жизни (21,4%). Практически такое же значение усматривают во влиянии религиозных убеждений родителей (18,5%). Отвечая на вопрос о первоочередных факторах многодетности, еще 13,6% респондентов отметили, что многодетность возникает стихийно, поскольку родители не задумываются над будущим детей; 10,7% — что многодетность способствует полноценному воспитанию детей; еще 10,3% уверены, что родители пытаются таким образом получить материальную помощь от государства [Шлюб, 2008: с. 162].

Среди непервоочередных факторов многодетности (второй-третий выбор в ответе на вопрос), которые побуждают родителей к многодетности, чаще всего назывались религиозные убеждения родителей (24,6%), меркантильные соображения (материальная помощь от государства — 22,4%) и нежелание делать аборт (21,9%). К побочным причинам многодетности 19,3% респондентов относят то, что такие родители не думают о будущем; 18,6% склонны считать, что при этом главный смысл жизни усматривают в детях; 17,8% считают, что многодетность спасает от одиночества в старости; 15,8% — что это укрепляет супружеские отношения; 9,8% склоняются к мысли, что причиной многодетности являются ошибки в контрацепции.

Итак, если первоочередную роль среди факторов многодетности отводят преимущественно духовным и моральным ценностям — религиозным убеждениям, смыслу жизни, сохранению семейных отношений, то среди вторичных факторов не реже (а порой и чаще) упоминают и такие, которые не с самой лучшей стороны характеризуют многодетных родителей — безответственное отношение к будущему детей, желание получить материальную помощь, неискушенность в вопросах организации семейной и сексуальной жизни. То есть даже те, кто позитивно относится к многодетности, находят в ней негативные моменты [Шлюб, 2008: с. 164].

Многодетность = неблагополучие? Дискурс многодетности в социальной работе

Патологизация многодетных семей распространена и в среде работников социальной сферы. Этот дискурсивный прием, по мнению Н.Ловцовой и О.Ярской-Смирновой, непосредственно связан с индивидуализацией социальных проблем, логика которой проявляется в игнорировании комплекса структурных факторов, приводящих к кризисным ситуациям в жизни конкретных людей и домохозяйства [Ловцова, Ярская-Смирнова, 2005].

Разовью эту мысль на примере дискурсивных практик в сфере социальной работы.

В государственных и местных социальных программах и проектах, учебниках по социальной работе и социальной педагогике понятие “многодетная семья” нередко встречается в триаде с неблагополучными и малообеспеченными семьями.

По мнению О.Ярской-Смирновой, понятие “неблагополучная семья” — это стигма, не имеющая четкого определения, но зачастую предполагающая семейную структуру как один из ее критериев. Таким образом, мономатеринские/моноотцовские семьи по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества [Ярская-Смирнова, 2010].

Отметим, однако, что с 2002 года приказом Министерства по делам семьи, молодежи и спорта термин “неблагополучная семья” заменен на термин “семья, оказавшаяся в сложных жизненных обстоятельствах”, что является весомым шагом на пути к дестигматизации семей, находящихся в состоянии кризиса из-за структурных факторов, а не в результате собственной безответственности. Впрочем, термин пока “не прижился” (возможно, из-за многословности). В частности, в программах и отчетах городских Управлений по делам детей и молодежи используют в качестве синонимов термины “семьи, которые оказались в сложных социальных обстоятельствах”, “социально уязвимые семьи” и “неблагополучные семьи”.

Приведу примеры дискурсивных практик воспроизводства образа многодетной семьи в сфере социальной работы.

В проекте “Крепкая семья — крепкое государство” Черновицкой городской общественной организации “Комитет многодетных матерей” читаем: “... От боли сжимается сердце, когда видишь на улицах города обездоленных детей, которые вместо того, чтобы играть в садике или ходить в школу, попрошайничают и бродяжничают. При этом значительное количество детей, которые попрошайничают, бродяжничают и попадают в специальные детские учреждения, — как раз *из многодетных семей, большинство которых недостаточно реализуют свои воспитательные функции в отношении детей*” (курс. мой. — Е.С.). Возможно, на подобные размышления авторов проекта натолкнул опыт практической работы, но следующий фрагмент опровергает это предположение: “В нашей организации на учете состоят 250 многодетных семей, из них почти 8% (но не большинство. — Е.С.) являются неблагополучными” [Проект “Крепкая семья — крепкое государство”, s. a.].

Еще один пример. В резолюции городской научно-практической конференции “*Дети улицы: проблемы, права, защита*” (Ивано-Франковск, 2008) [Резолюция, s. a.] приведены рекомендации по профилактике детской беспризорности, среди которых — разработка городской программы “поддержки *многодетных и малообеспеченных семей*” (как потенциального источника детской беспризорности?).

Выводы

Можно констатировать наличие как минимум двух противоречивых дискурсов многодетности. В официальном дискурсе, который реализуется в демографических стратегиях и семейной политике, многодетную семью рассматривают как безусловную ценность и “основу развития государства”. Но теория и практика социальной работы нередко противоречат этой идеологии, поскольку структура семьи (ее состав и количество детей) часто

служат основанием для ее категоризации как реально или потенциально “неблагополучной”. Эффективность социальной политики в направлении поддержки многодетных семей тормозит и повседневный дискурс многодетности как “социальной безответственности”.

Противоречия между указанными дискурсами вряд ли можно преодолеть пропагандой многодетных семей и мерами по их “социальной защите”. Реальное условие повышения статуса многодетных семей — формирование доверия человека к государству, уверенности в будущем, что является необходимым условием формирования ориентаций на рождение двух и больше детей.

Источники

Быстров А.А. “Материнский капитал”: стимулирование рождаемости? / А.А. Быстров // Социологические исследования. — 2008. — № 12. — С. 91–96.

Відбулася селекторна нарада з питань видачі посвідчень батькам та дітям з багатодітних сімей [Електронний ресурс] / Офіційний сайт Міністерства у справах сім’ї, молоді та спорту. — 2010. — 3 верес. — Режим доступу : <http://www.kmu.gov.ua/sport/control>.

Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей / Е. Вовк // Социальная реальность. — 2007. — № 3. — С. 33–46.

Діти вулиці: проблеми, права, захист : Резолюція міської науково-практичної конференції [Електронний ресурс] / Офіційний сайт Івано-Франківської міської ради. — 2010. — 13 листоп. — режим доступу : <http://www.mvk.if.ua/news/4020/>.

Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины / Т. Журженко // Семейные узы: Модели для сборки : сб. стат. ; кн. 2 / [сост. и ред. С. Ушакин]. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — 520 с.

Ловцова Н.И. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? / Н.И. Ловцова, И.Р. Ярская-Смирнова // Мир России. — 2005. — № 4. — С. 78–104.

Льготы многодетным семьям с 2010 года [Электронный ресурс] / Благотворительный фонд “Материнство”. — Режим доступа : <http://materinstvo.org/articles/benefit10.php?country>.

Міцна сім’я — міцна держава : проект [Електронний ресурс] / Комітет багатодітних матерів : Чернівецька громадська організація. — 2010. — 13 листоп. — Режим доступу : www.city.cv.ua/Ukrainian/CitizenParticipation/kbm.doc (13).

Офіційний сайт Державного комітету статистики [Електронний ресурс]. — 2010. — Черв. — Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Стратегія демографічного розвитку в період до 2015 року : Постанова КМУ від 24 черв. 2006 р., № 879 [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://zakon.rada.gov.ua>.

Толстоухова С. Концептуальні засади державної сімейної політики в Україні / С. Толстоухова // Вісник Міністерства у справах сім’ї, молоді та спорту. — 2010. — № 1–2. — С. 10–16.

Шевченко И. Большая семья — какая она? / И.О. Шевченко, П.В. Шевченко // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 95–101.

Шлюб, сім’я та дітородні орієнтації в Україні / Ін-т демографії та соц. досліджень НАНУ ; Укр. центр соц. реформ. — К. : АДЕФ-Україна, 2008. — 256 с.

Ярская-Смирнова Е. Ценностно-символическое пространство семейной политики [Электронный ресурс] / Е. Ярская-Смирнова // Демоскоп Weekly. — 2010. — № 409–410. — Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit05.php>.